

СТАНОВЛЕНИЕ

Не было выстрелов, но был расстрел: падали щтыки, а комиссары поднимались выше и выше, уходя в бессмертие, и пламя вечного огня освещало сцену, и сцена была подобна в эти мгновения монументу — монументу 26 комиссарам.

Таков финал спектакля «Чрезвычайный комиссар Кавказа», поставленного Кироваканским государственным драматическим театром имени Ов. Абеляна и удостоенного диплома на Всесоюзном театральном фестивале, посвященном 110-летию со дня рождения В. И. Ленина. Два дня показывали кироваканцы свою работу в Московском театре «Современник», и оба дня выступлениям их сопутствовал необычайный успех.

А ведь лет 9—10 назад трудно было вообразить подобный триумф: неприметной внешней жизнью жил обыкновенный периферийный театр, внутренние страсти и драмы которого не выносились за кулисы. И даже полный зал на памяти у многих ли его актеров?

Однако прежде чем попытаться показать, каким было и есть долгое и трудное становление театра, вернемся вновь к спектаклю (вернее, к работе над ним, потому что работа эта как нельзя более точно характе-

ризует образ жизни сегодняшнего кироваканского театра), ставшему вехой в творчестве абелянцев.

Итак, пьесы «Чрезвычайный комиссар Кавказа» не было. Родилась она в театре. Идею создания пьесы подсказала книга Михаила Шатирына «Сказание о пальме», к тому же в 1978 году отмечалось столетие со дня рождения Степана Шаумяна. В Министерстве культуры республики поддержали начинание коллектива создать пьесу по роману, охотно взялся за дело и автор книги. Когда пьеса была готова, несколькими художникам предложили сделать эскизы декораций, но ни одна из работ не удовлетворила ни режиссера, ни актеров. При чем здесь актеры? — возразит читатель. Между тем, актеры, как и режиссер, непосредственно участвовали в рождении пьесы: было время отпусков, но труппа (вся она занятая в спектакле) собиралась в театре ежедневно. Гражданское начало спектакля сплотило ее как никогда: вместе работали над текстом, вместе искали оптимальные варианты решения той или иной сцены, вместе смотрели эскиз за эскизом. И однажды пришло решение — простое, лаконичное и емкое по своей сути: на аван-

сцене — пониженные цепи, круг сцены взят в кольцо штыков, когда комиссаров арестовывают, цепи охватывают кольцо штыков, становясь тюремной оградой. И кончается спектакль уже известным вам финалом. Такой была символика спектакля, увиденная и воплощенная в прямом смысле слова исполнителем главной роли Акопом Азизяном и режиссером Ваге Шахвердяном.

Вы заметили: есть во всем этом что-то от самостоятельности, от того юношеского энтузиазма и самоотдачи, из которых некогда возник «Современник», и в этом смысле всеобщий дебют именно на его сцене представляется знаменательным и обещающим. И в то же время очевидно, что работать так может лишь в пору становления.

В 1972 году, после окончания института, проработав год в театре имени Сундукяна, молодой режиссер Ваге Шахвердян приехал в Кировакан, чтобы поставить пьесу Нодара Думбадзе «Не горюй, мама». Приехал он сюда по приглашению — выручать театр, который в то время находился в застое, театр, в котором он играл одиннадцатилетним мальчиком и с которым, в сущности, никогда не порывал — ни в годы учебы на факуль-

тете математической кибернетики (было и такое в его жизни), ни затем, когда учился уже на режиссерском. Приехал на одну постановку — и остался навсегда.

Надо было начинать все заново. Из двадцати примерно актеров лишь двое имели высшее образование, да несколько человек кончали студию. Молодых кадров не хватало. Не было даже обычной театральной программки. Выражение «театр начинается с вешалки» Шахвердян пришлось испытать на себе в самом прямом смысле слова: несколько месяцев он стоял рядом со сторожем (ах, билетерши в столичных театрах!) и просил, напоминал, заставлял снимать верхнюю одежду.

А еще через несколько месяцев сгорело здание театра. И именно в это трудное время его назначили директором. Путей к отступлению у главрежа и директора не было.

Три года театр не имел своего здания, и все же на гастролях в Ереване и Сочи, Сухуми и Тбилиси, Степанакерте и райнах Армении показывал новые спектакли. Какого труда стоили они труппе, зритель не знал.

И вот уже отремонтированное здание, похожее больше на сельский клуб, чем храм искусства (если бы знали все, от кого зависит строительство нового театра, с каким нетерпением ждут его в Кировакане!). И актеров в труппе стало вдвое больше — 48 человек, больше половины молодежь, многие приехали из Еревана. И театр с третьей кате- гории перешел на вторую. И, кажется, можно бы успокоиться. Но именно теперь начиналось становление театра — поиск зрителя и поиск путей к зрителю.

Для зрителя — встречи, дискуссии, репертуар, поначалу доступный и знакомый, затем сложнее и разнообразнее. И все чаще появлялся в окошке кассы дощечка с надписью, различимой издали: «Билетов нет».

А для актеров — трижды в неделю занятия клас-

сическим танцем, вокалом, сценическим словом, историей театра, в последнее время еще и ритмичной джаза, современными ритмами — готовится мюзикл.

А для театра — доска «Недостатки сегодняшнего спектакля», куда заносятся замечания, касающиеся игры и режиссуры, сценографии и административных сторон. И еще для театра — магнитофонная запись всего спектакля, о которой не подозревают актеры, а затем — совместное прослушивание: вот здесь нечеткая дикция, там — звук не дошел до зрителя.

И то, что для актеров и для театра, — тоже для зрителя.

Средний возраст актеров в кироваканском театре 28 лет. Звезд нет, но есть четкая тенденция ориентироваться в работе на актерскую индивидуальность, выдвигать на первый план сильные стороны дарования каждого, потому что, сколько бы ни велось споров о театре режиссерском и актерском, непосредственный диалог со зрителем ведет актер, он доводит до зрителя и авторскую мысль, и режиссерскую интерпретацию. Поэтому ставка — на актера. Сегодня уже в Кировакане хорошо знают Наиру Калашян, Акопа Азизяна, Элине Агамян, Грету Меджлумян, Асмик Алексанян, Альфреда Закарян, Гарника Папяна, Размика Хосроева.

За восемь трудных лет своего становления молодой коллектив создал 16 новых спектаклей, в репертуаре театра — произведения Ширванзаде и Горького, Думбадзе и Розова, Чхаидзе и Рощина, современных армянских драматургов Ж. Арутюняна, М. Шатирына, Г. Саркисяна.

За восемь лет изменился зритель кироваканского театра: он уже ходит в театр не только за зрелищем. А театр хочет показать своему зрителю мюзикл и... чеховских «Трех сестер». Пора становления продолжается.

Р. ЕГИАЗАРЯН.

НА СНИМКЕ: после спектакля.

16 АВГ 1980

КОМСОМОЛЕЦ

Ереван

